

Я родился и рос в рабочей семье. Родители мои были безграмотные. Первая книжка, которая появилась в нашем доме, была комедия Грибоедова «Горе от ума», фолиант страниц на четыреста с текстом комедии, с портретами её героев, с портретами артистов, которые играли этих героев.

Купил я её по совету нашей учительницы Марии Лазаревны. Её муж работал на шахтовом лесном складе и предложил нам, семиклассникам, во время летних каникул посильную работу: носить из вагонов метрового размера крепь и складировать её на поляне. Торцы этих метрочек потом белили извёсткой, чтобы не рассыхались, по мере необходимости их опускали в шахту.

Детей у нас было пятеро. На фоне моих братьев и сестёр я хорошо учился, и учителя убедили мою маму в том, что я должен продолжить образование – из меня может выйти толк. Я стал готовиться к вступительным экзаменам. Мама провожала меня до вокзала.

Пока мы шли до вокзала, мама рассказывала мне, как ещё в то время, когда она была девчонкой и не была замужем, больше года была в прислугах. Был он то ли директором коопторга, то ли управляющим чем-то, точно она сказать не может, потому что не запомнила, только звали его Владимиром Карловичем. И этот Владимир Карлович говорил: чтобы так жить, как живут они, надо много учиться и много знать. А живут они не по-нашему: на стенах у них висят ковры персидские, на полу – дорожки персидские. Ходят они по ним не босыми ногами, а в ботинках – всё за ними убирают,

протирают, моют. И поесть они сами себе не готовят – всё за них делает прислуга. Какое блюдо захотят съесть – приказывают прислуге. На какой час проголодается – на такой прислуга ему приносит.

Даже постелью своей они не занимаются. Я им постель готовила. Перину взобью, простынку проглажу, наволочки проглажу, подушки взобью. И каждый день так. И у него не одна постелька – две. Одна для него самого и другая для его жены. Жена тоже ничего не делала. Утром проснулась, чаю попила, из дома выходит – у ворот карета дожидается – сели, поехали на работу. Тогда я попросила Господа: когда я подрасту и выйду замуж и будут у меня дети, пусть хоть один из них поживёт так, как живёт Владимир Карлович. Сыночек! На тебя бог перстом указал. Тебе он дал способность легко учиться. Слушайся бога – учись.

Мы взошли на перрон, подождали, пока объявят посадку. Мама отвела меня на край перрона и, развернув меня к себе лицом, сказала: «Учись, сынок, мы тебе будем помогать, сколько сможем. Учителя твои сказали, что из тебя может выйти толк. Учись. Дай бог, чтобы наши ожидания сбылись. С кем попало дружбу не води. Следи за собой». Она перекрестила меня и заплакала. Я сам едва сдерживал слёзы. Обнял маму: всё будет хорошо. Я пошёл к вагону и дал себе слово, что буду учиться, с кем попало дружбу водить не буду, буду следить за собой.

В первый раз я увидел её на факультетском вечере художественной самодеятельности. Факультет готовился к смотру художественной самодеятельности и прогонял программу. Приглашали всех попавших под руку. Наши места были рядом. Её место было крайним у прохода. Студенты пели и плясали. Особого веселья не ощущалось. Я посмотрел на её профиль и похоже, что улыбнулся. У неё была толстая коса и

завитушки волос на шее. Она улыбнулась в ответ и мельком взглянула на меня. От этой мельком брошенной в меня улыбки мне вдруг показалось, что я знаю её сто лет. С её косой и завитушками на шее, с хитрыми глазами серо-синего цвета, что я встречал её в школе, студенческой столовой, на улице и где угодно ещё. На сердце вдруг стало тепло и тревожно.

Второй раз мы встретились с ней у двери, когда стали выходить из зала. Я притормозил, пропуская её. Она улыбнулась, стала пропускать меня. В это время её окликнули. Она вернулась в зал, её окружили парни и девушки, надо полагать одногруппники. Я постоял за дверью, она не выходила. Я пошёл домой, в общежитие.

В комнате у парней я спросил, знает ли кто эту девушку.

– А ты почему сам у неё не спросил?

– Сначала упустил момент, потом её как-то быстро приватизировали...

– По-моему, я знаю, о ком идёт речь, – сказал Володя Гусельков. – Она курсом старше, нашей специальности, по-моему, учится в 312 группе, зовут Аня, фамилия начинается на букву «Ч», какая-то длинная, я не запомнил. У них на доске, возле деканата, списки всех студентов.

На следующий день, после первой пары я пошёл к деканату, нашёл 312-ю группу, прочитал фамилию: Чичибабина Анна.

Заодно узнал, что началось формирование бригад для прохождения производственной практики. На следующее утро пошёл в деканат узнать, куда записали меня. Я своё пожелание отнёс на неделю – хотел поехать в Иркутскую область. Формированием бригад занималась лично декан факультета Елена Станиславовна Борчинская – Станиславна.

– Очень хорошо, – сказала Станиславна, узнав, что я хочу проходить практику в Иркутской области. – Двух специалистов запросила Иркутская область. Одно занято, а второе

пока свободно. Я Вас записываю в Иркутскую область. Будем считать, что Иркутскую область мы, таким образом, закрыли.

– А кто идёт у нас первым номером?

– Первым номером у нас идёт третьекурсница Чичибабина Анна.

Вечером Аня пришла к нам в комнату. Договорились: Аня покупает в предварительной кассе билеты, я – пакую чемоданы. Аня выбрала себе верхнюю полку, мне предложила нижнюю.

– Я люблю спать, не укрываясь, а ты будешь рассматривать меня с верхней полки.

Я согласился на нижнюю. В дорогу Лилия Генриховна наша институтская библиотекарь, дала мне две книжки: Кафку и Сартра.

– Без этих книг, – сказала она, – нельзя считать себя образованным человеком.

А я хотел знать, что представляют собой образованные люди.

Поезд тронулся. Я принялся за Сартра, Ане предложил Кафку. Я читал своего Сартра и поглядывал на Аню. Сначала она читала внимательно, потом стала листать страницы, прикидывая, сколько она причитала, сколько ей предстоит прочесть до конца. Потом отложила книгу и стала смотреть в окно. Поезд остановился в Татарске. Из нашего вагона вышло много народа. Мы с Аней остались вдвоём в купе.

– Девчонки из нашей комнаты приносили эту книгу. Всем интересно знать, как выглядят образованные барышни. Это не для меня. Умничают они там много, делать им нечего. Обзывают своих сверстников мещанами, представляют тараканами. Что они плохого сделали? Книжек их не читают? Сами болеют и болезнью своей других хотят заразить. От ничегонеделания это у них, – заключила Аня.

Я промолчал. Аня добавила:

– Любопытно, конечно, бывает заглянуть за чужой забор, подсмотреть, чем там они занимаются. Но снобничать по этому поводу я бы не стала. А ты как думаешь?

Готового ответа у меня не было. Я сказал:

– Я думаю, про любовь было бы интереснее.

Аня аж подпрыгнула:

– Клянусь... клянусь... клянусь чем угодно – про любовь было бы интереснее. Я догадываюсь, почему ты ёрничаешь. Говорят, девушки развиваются раньше парней. Примем на веру. Ты мне вот что скажи. Я не могу успокоиться. Почему ты тогда, на самодеятельности, не подошёл ко мне, не заговорил? Я тебя не зацепила? Сердце моё говорит мне, что зацепила. Ты так по-доброму тогда улыбнулся – как Христос по душе в лапотках прошёлся.

– Я хотел заговорить с тобой, но к тебе подошли твои одногруппники, и куда-то они тебя потащили.

– Как бы я в их глазах тогда выросла! Я в совхозе живу. Недалеко от нас стоит коммунальный четырёхэтажный дом. Живёт там одна молодая пара: она работает экономистом в совхозе, он электроснабжением занимается. А по воскресеньям они выходят из подъезда в лыжных костюмчиках, на плечах лыжи. У него за спиной небольшой рюкзак. В нём просматривается термосок. Надо полагать, с чаем. Идут они на край посёлка. Там у нас сосновый бор, лыжня. Мы живём в частном доме. Когда они проходили мимо нашего дома, я смотрела на них сквозь решётку наших ворот. Какими глазами они глядели друг на друга! Как он её поддерживал, если она, не дай бог, оступалась! Эта картина человеческого счастья сопровождает меня по жизни.

Я училась в школе, у меня была подруга, у нас были лыжи. Мы тоже ходили в бор, на лыжню. Но наши катания с ней

были как небо и земля! Чёрной завистью мы завидовали этой паре.

В вагон вошла работница ресторана в белом передничке и вкатила тележку с кастрюльками, накрытыми салфетками.

– Обед! Обед! Вам, молодые люди...

– Да-да, давайте сюда, – я освободил место для её тележки.

– Нет-нет, – перебила меня Аня, – нам только чай. Всё к чаю у нас есть. Всё, что я взяла в дорогу, нам надо съесть в первую очередь, чтобы не испортилось. Хозяйка я экономная. Вся в маму. У нас мама куска хлеба никогда не выбросит – всё в дело.

– От меня тепло идёт? – вдруг спросила Аня. Её серо-синие глаза сузились и смеялись.

– Тепло? Какое тепло?

– Какое тепло – обыкновенное тепло. Я вот слышу, как от тебя ко мне идёт тепло. Хочется довериться, расслабиться: атмосфера родства какая-то. Может, это судьба моя мне знаки шлёт. В первый раз со мной такое происходит. Подозрительно. Мы, девушки, к судьбе прислушиваемся: не пропустить бы, не упустить...

Аня резко перестала смеяться и спросила:

– Я тебе всю свою биографию рассказала, а ты мне и слова не сказал о себе.

– Я тоже большой любитель поговорить, но ты же мне слова не даёшь...

– Всё-всё-всё: молчу-молчу-молчу! Говори-говори!

Поезд стал тормозить и скоро остановился: станция Барабинск. В купе вошла немолодая пара с большой дорожной сумкой. Запахло вяленой рыбой.

– Какой вкусный у вас Барабинск, – сказала Аня.

– Рыбой нас бог не обидел, – сказала женщина. – Сейчас мы вас угостим. И леци, и сазаны, и карпы – и всё даром. Присаживайтесь.

– Мы ненадолго, – как бы извиняясь, сказала женщина. – До Новосибирска – в гости едем. Утром в шесть часов будем на месте. Ешьте-ешьте, не стесняйтесь. Похожи на студентов. Студенты?

– Студенты, – ответили мы с Аней.

– Наши студенты тоже теперь где-нибудь едут, возможно, что и их кто-то подкормит – мир тесен. У вас газетка есть?

– У нас один грамотей, – сказала Аня. – У него должно быть.

– Есть-есть.

Я достал непрочитанную «Омскую правду» и расстелил её на столике. Мужик развернул на ней полуторакилограммового леща, разрезанного по хребту, достал остро отточенный складной нож. Жир закапал на газету и скоро пропитал её полностью.

– Некоторые боятся есть лещей, описторхи могут быть, но если его хорошо провялили – ничего не бойтесь. А тут ведь для себя готовили. Особенно он хорош после ста граммов, – сказал мужик и посмотрел на жену.

– Ты готов и детей упоить.

– Да какие они дети – взрослые люди. Муж и жена? – спросил мужик.

– Пока ещё нет, – сказала Аня.

– Подходите вы друг для друга, можно подумать, что пара. Дело это не сложное: на практику едут холостые, домой возвращаются – женатые. Когда же ещё пить, как не теперь? Там дети пойдут, их кормить надо, пестовать – там не до пьянки.

– Ты бы лучше карпа в дорогу дал, чем водкой поить.

– Про карпа вопросов нет. Ещё газетка есть?

– Газетки нет, но для карпа я не пожалею лист аммиачки.

Для родни вашей там что останется?

– Для родни наловит, если надо будет. Берите, не стесняйтесь, – сказала женщина.

За окном была ночь. Поезд мягко катил по великой равнине, постукивая колёсами на стыках рельс. Мелькали огни переездов и небольших станций.

– Вы укладываетесь, вам далеко ехать. Мы постель брать не будем, нам тут недалеко, в шесть утра будем на месте. Не успеешь заснуть, как будить начнут.

– Попутчица наша вся в меня и в мою маму, – сказала Аня, поднимаясь на свою полку. – Спокойной ночи!

Не успел я закрыть глаза, как сразу же и началось: Новосибирск, Новосибирск, подъезжаем к Новосибирску... Я приоткрыл шторку. Поезд, замедляя скорость, бежал мимо железобетонных конструкций и освещённых остановок электричек. Попутчики наши не спали. Аня заканчивала плести свою косу. Поезд переехал Обь и медленно и мягко покатило вдоль привокзальной платформы. По крутым лестницам мы поднялись на привокзальную площадь, помогли нашим попутчикам сесть в автобус и пошли осматривать железнодорожный вокзал.

– Если у нас будет распределение в Новосибирск, я распределюсь в Новосибирск.

– Зачем? – пожала плечами Аня. – У тебя будет сельскохозяйственная специализация, зачем в город?

– Деревня вымирает. Вся жизнь будет сосредоточена в городах.

– Кто тебе это сказал?

– Это я сам разглядел. Если внимательно приглядеться – любой крестьянин сегодня норовит перебежать в город. В городе жить легче, интересней. Человеку дали образование, и у него тут же автоматически расширились горизонты его потребления. В деревне ему сразу стало тесно, скучно, некомфортно.

– А хлеб кто будет выращивать?

– С хлебом такая история: крестьянин, перебравшийся в город, зная технологию крестьянского труда, изобретает и затем быстро создаёт, строит трактор. Это будет такой трактор, который за неделю способен будет вспахать десять тысяч гектаров пашни. Затем он строит два комбайна, которые за неделю способны будут обмолотить зерно с десяти тысяч гектаров пашни. И десяток человек, обслуживающих эту технику. Всё! Остальным там нечего будет делать, и они все перебегут в город.

– Не ожидала я от тебя услышать, какую галиматью ты несёшь.

– Я понимаю, что этого не будет конкретно завтра. Я обрисовал схему развития, перспективу, так сказать. А ещё у меня есть мечта, которая «в башку зашла и колом её оттуда не выбьешь». Это посмотреть свою страну, нашу Родину, в которой мы живём. Посмотреть всё – и Крым, и Кавказ, и Москву, и Ленинград, и Поволжье, и Крайний Север, и всё-всё-всё своими глазами. Будут ли у меня когда-нибудь личные деньги, на которые я всё это смогу объехать или, ещё лучше, обойти? Никогда! А вот за государственные это в большой степени возможно. Необъятна держава наша! Несчётны её богатства! Где в ней моя доля? Как ты думаешь?

– Я на эту тему никак не думаю. Баба я! Я постоянно думаю, попался бы мне хороший человек, я могла бы родить троих или даже четверых ребятишек. Я думаю о том, кто они будут – мальчики или девочки, хорошо бы два мальчика и две девочки. Я бы обувала их и одевала, я бы готовила им обеды-завтраки, я бы водила их в школу. Когда бы они подросли, я учила бы их копать землю, сеять разные овощи, учила бы их доить корову, учила бы любить парное молоко, потому как ничего в мире нет вкуснее и полезнее парного молока. В городе ничего этого нет. В городе человек может прожить

свою жизнь и не попробовать парного молока. Один француз, тоже умник, писал о том, что человек рождается в деревне, а умирать едет в город. Уже третье поколение городских жителей не способно дать потомство.

Аня посмотрела на часы: пора нам к поезду.

– Моя цель – работа районного землеустроителя. Сам себе хозяин, сам распоряжается своим временем. В бумагах я бы навела порядок. Порядок я люблю.

– Ты из Тюменской области?

– Да.

– Зачем же ты поехала на практику к чёрту на кулички – в Иркутскую область?

– Я так бы и сделала, если бы тебя не встретила, а ты записался в Иркутскую область. Я не могу забыть, как ты посмотрел тогда на меня и как ты улыбнулся. Ты мне скажи, я тебе нравлюсь?

– Вопрос, что называется, на засыпку. Нравишься. Если честно...

– Всё-всё-всё – больше ничего не говори. – Аня закрыла мне рот ладошкой.

Вечером того же дня проехали Красноярск, а на утро следующего дня мы уже были в Иркутске. В ночь до Иркутска я не сомкнул глаз. Я лежал на спине и видел, как судьба кружит надо мной, и слышал, как мягкие крылья её едва не касаются моего лица.

Иркутское предприятие прислало за нами машину. Водитель, черноглазый татарин с загорелым лицом, безошибочно вычислил нас.

– Это вы из Омска к нам на работу приехали?

– Это мы, – ответила за нас обеих Аня.

Мы сели в выдавший виды газик и через пятнадцать минут езды по незагруженным с утра улицам прибыли на предприятие.

Нас ждали. Начальник отдела, где нам предстояло работать, встретил нас и объяснил ситуацию.

– Гостиницы у нас нет, поэтому поступим так: сейчас вы сходите позавтракаете, кафешка за углом, возвращаетесь сюда, мы вам приготовили плановый материал, вы его получаете, каждому по совхозу, и выезжаем на место работы. Район недалеко – около ста километров. Я еду вместе с вами. Вопросы есть? Вопросов нет. Я готов и жду вас. Времени у нас нет, а дорога дальняя. Кстати, зовут меня Николай Павлович, фамилия Бусенков. Вы Куспенского захватили?

– Мы наслышаны о нём, – сказала Аня.

– Так вот, он был личностью выдающейся. Читал нам высшую математику. Лекцию начинал так: вы запомните самое главное – фамилия у меня Куспенский, имя-отчество такое-то.

Когда через двадцать минут мы вернулись, плановый материал был увязан в два рулончика. На одном красным карандашом было написано «Лесной», на другом «Комсомольский».

– Объекты предлагаю поделить так: первый совхоз, который встретится на нашем пути Лесной, мы отдадим его Ане. Ну а Комсомольский – тебе.

– Вы не поженились ещё? – спросил Николай Павлович.

– Мы думаем, – за нас обоих ответила Аня.

– Подумать – это хорошо. Мы с моей Варварой Васильевной поженились на пятом курсе, перед самым распределением. Она иркутская, поехали в Иркутск. Комсомольский от Лесного – через гору. Там дорога, когда-то по этой дороге ездили, а теперь построили дорогу вокруг горы, заасфальтировали, по ней ездят. Через гору пешком ходят. Там что-то около пяти километров.

Так, материалы получили, расписывайтесь, поехали. Время – деньги, как говорят буржуи.

По городу ехали молча. Когда выехали за город, Николай Павлович спросил:

– Вы после каких курсов?

– Я после четвертого, он после третьего.

– Почти готовые специалисты. Проектными работами занимались?

– Я после второго курса в составе группы выполняла проектные работы на целинных землях в Кокчетавской области, в прошлом году самостоятельно составила проект по небольшому колхозу в Омской области. Правда, переносили в натуру уже по снегу.

– Я тоже знаком с этими работами, могу работать самостоятельно.

– Это хорошо. У нас кадров мало. Мы не успеваем. Так говорите, вы ещё не поженились? – вернулся к первой теме разговора Николай Павлович и совсем уж буднично добавил:

– В полях эти процессы проходят значительно быстрее.

Мы переглянулись с Аней и не стали ему отвечать.

В Лесном, в своём кабинете со снопами пшеницы, нас ждал главный агроном совхоза Евгений Валерьевич Мочалов. Я прочитал на табличке, на двери. С Николаем Павловичем они были на ты и встретились так, как будто только вчера расстались.

– Принимай подкрепление, – сказал Николай Павлович, пожимая агроному руку. – Это Аня Чичибабина, после четвертого курса, дипломное проектирование, почти готовый специалист.

– Я думал, ты мне двоих привёз, а ты одну.

– Парня мы повезём в Комсомольский – тоже надо. Времени у нас мало. Значит так: размещай, корми, простаивать не давай, если проблемы будут – звони, я приеду.

– Окружим и теплом, и заботой, и волнуйся. Не замужем? Не беда. Жениха найдём, на Покров сыграем свадьбу. Как говорили старые люди: Покров-батюшка, покрой землю снежком, а невесту женишком.

– Отсеялись? – спросил Николай Павлович.

– Овсы остались да кое-что по мелочи – к концу недели закончим.

Аня вышла проводить меня к машине.

– Ты методичку взял?

– Взял.

– А я свою дома оставила, росомаха. Если понадобится, я тебе позвоню. Пока-пока.

Сели в машину, водитель говорит:

– Раньше тут через гору ездили, в три раза короче. Рискнём?

– Умный в гору не пойдёт, умный гору обойдет, – сказал Николай Павлович. – Вокруг горы дорогу проложили, пятнадцать километров асфальт, едешь как белый человек. Зачем рисковать?

Через полчаса приехали в Комсомольский. В конторе сам директор, молодой мужик лет сорока. И тоже знакомый Николая Павловича. По петухам: привет-привет. Ситуация, говорит, такая: двое из обкома приехали, проверяют, сколько посеяли, гостиница занята. На время, пока они тут будут, разместим парня у одной бабушки. Чистенькая старушка, живёт одна. Мяса мы ей выпишем, сколько пожелает. Всё остальное у неё есть.

– Да это не Лариса ли Мироновна? На краю села живёт.

– Да-да-да, она самая. Ты у неё когда-то сам стоял. Нормальная старушка. Договорённость у нас с ней есть. Везите его туда, размещайтесь. Завтра с утра приходи в контору, будет агроном. Работать будешь с агрономом. Час добрый!

А у меня к тебе пара вопросов есть, – задержал он Николая Павловича.

Я спустился к машине, и Тимур Аскарлович отвёз меня к Ларисе Мироновне.

Через неделю буквально мой агроном говорит мне: перед планёркой зайди к директору – тебе сообщение. В то время телефонов было мало – один на совхоз, и стоял он, естественно, на столе у директора. «Странно, – подумал я. – Кто разыскал меня в этой глуши. И главное, кому я понадобился?» Подождал в приёмной, пока специалисты выйдут, захожу.

– Здравствуйте. Вызывали?

У тебя, говорит, в соседнем совхозе сокурсница проходит практику? «Ах вот оно что!»

– Проходит.

– Сейчас её директор звонил мне. У неё там какие-то проблемы. Просит прихватить методичку и приехать к ней. В чём-то надо помочь.

Директор, мужик под сорок, мигом всё сообразил, что к чему. Я же всё принял за чистую монету. Он говорит мне: даю тебе свою машину и двое суток времени. Через двое суток должен быть как штык здесь. Я за тебя в ответе. Водку не пей!

– Да я вообще водку не пью.

– Вот и не пей! Время у меня не отнимай – действуй! Ивану Тимофеевичу я наказал, он тебя отвезёт.

Я пришёл на квартиру, где жил, отыскал методичку, полистал её, до того я в неё ни разу не заглядывал и не мог сообразить, зачем она ей понадобилась. Иван Тимофеевич отвёз меня в Лесной, высадил возле конторы, развернулся и уехал. В конторе никого не было. На втором этаже я отыскал техничку, молодую, лет шестнадцати девушку и спросил у неё, не знает ли она, где тут живёт девушка-землеустроитель. Техничка, убирая прилипшие к потному лбу волосы, подвела меня к окну и показала дом, где живёт Аня.

Аня видела, как приехала «комсомольская» машина и поняла, что она привезла меня, и шла мне навстречу, сияя улыбкой. На ней были лёгкие беленькие туфельки, лёгкое летнее платье, вся она была изящна и восхитительна. Я остановился. Она подбежала ко мне, поднялась на цыпочках и поцеловала меня в щёку.

– Как я рада, что ты приехал!

– А что случилось?

– А ты разве не скучал по мне?

– Скучал, но это другое дело.

– Да какое же это другое дело? Это как раз то самое дело и есть. Не могла же я сказать своему директору, что вот, скучаю по любимому, привезите его ко мне!

До чего же я тупой человек! Только теперь до меня дошёл, наконец смысл директорского напутствия: водку там не пей! У меня дрогнули поджилки: я вспомнил мать, когда она провозжала на перроне, когда она перекрестила меня и сказала: «С кем попало дружбу не води, следи за собой!» Кого она имела в виду? Неужели Аню? «Зачем ты связался с колхозницей? Мало тебе девок приличных?»

Я не знал, как мне себя вести с Аней. Господи! Куда же ты вляпал меня? Аня держала меня за руку, мы шли к дому, где она жила. Жила у Зины. Зина недавно вышла замуж. Родители купили им отдельный дом, теперь она беременна, а мужа призвали в армию. Она его ждёт. Между тем мы вошли в дом и увидели Зину, рыженькую симпатичную женщину в белой косынке.

– Это моя хозяйка – Зина.

– Зина, – весело подтвердила хозяйка. – Какой красивый у тебя молодой человек! Аня, я тебе завидую.

– Неужели же я с некрасивым бы связалась! Смотри не сглазь! Глаз у тебя тяжёлый?

– Глаз у меня лёгкий. Как хорошо быть молодой!

– Рано ты в старухи записалась.

– У меня теперь другой этап. – Зина погладила себя по животу. – Пошла я к матери. Оставайтесь, не скучайте. Приду, когда корову надо будет доить. А ты тут командуй. Где что – ты всё знаешь. Корми своего молодого человека. Да, спать можно будет на диване. Простынки я вам приготовила. Зина ушла.

Я никак не мог привести свои мысли в порядок. Сказал, что есть не хочу. Аня заметила неладное.

– У тебя есть другая девушка? – испугалась она.

– Нет у меня другой девушки!

– Ты не здоров? – с ещё большим испугом спросила Аня.

Я замахал руками: здоров я, здоров!

– А что тогда? Я тебе разонравилась? – упавшим голосом спросила Аня. – Ты не бойся меня. Ты в первый раз? – Аня смотрела мне в глаза.

– Аня, я не подумал, что для этого ты меня позвала, – наконец выдал я из себя. – Я не готов. Как бы это сказать, у меня обязательство морального плана.

– Обязательство? Перед кем?

– Перед матерью.

Аня побледнела. Испуг проступил на её лице.

– Откуда она меня знает?

– Аня не сейчас. Потом я объясню тебе всё. Извини меня. Так нехорошо получилось. Я не хотел этого.

Мы сели на диван и несколько минут посидели молча.

– Задал ты мне задачу...

Слышно было, как пригнали стадо. Пришла Зина, открывает калитку и впускает корову во двор. Быстро темнело. Шёл десятый час. Слышно было, как Зина на веранде цедила надоенное молоко.

– Я не могу сегодня остаться с тобой. Я пойду домой. Через гору есть дорога. Всего час ходьбы.

– Я провожу тебя, – сказала Аня.

Когда мы проходили мимо Зины, она поднятием бровей спросила Аню: как у вас? Аня отрицательно покачала головой.

– Я твою фуфаячку возьму?

– О чём разговор – выбирай!

Аня накинула на себя лёгкую Зинину фуфайку, и мы пошли в сторону горы. Зажигались звёзды. Дорога заросла подорожником, по ней давно не ездили. Я молчал.

– Какая грустная история получилась, – сказала Аня.

Я не хотел этого.

– Чем я тебе не потрафила?

– Анечка! Не терзай ты мою душу! Ты ни при чём. Хотя в тебе как раз всё дело. Ты – прелесть! Влюбился я в тебя по самое не могу. А мне нельзя было этого делать.

Мы поднялись на гору и теперь шли по её плоской вершине и молчали. Воздух на вершине был тёплым. Аня то распахивала полы своей фуфайки, то запахивала. Я ощущал запах её тёплого тела. Звёзды смотрели на нас. Было грустно невыносимо. Я шёл и слушал, как работает моё сердце: оно то вдруг начинало стучать, как стучит надломленный мотор, то вдруг замирало, и у меня начинала болеть голова, мне не хватало кислорода.

– Это навсегда? – спросила Аня.

Я боялся, если Аня вдруг бросится ко мне и обнимет меня, я не выдержу. И тогда моя поездка в Лесной и всё, что было между нами сказано, станет бессмысленным. И выступит против меня. Она ждала, когда я обниму её, часто останавливалась, продолжая раскрывать и закрывать полы зининой фуфайки. Мои руки висели, точно они у меня отсохли. Слад-

кую боль наших отношений надо было кончать. Я набрался решимости и сказал:

– Хватит мучать друг друга, Аня! Иди домой, мы далеко ушли от вашего дома.

Аня резко запахнула полы фуфайки, развернулась и пошла обратно.

Я быстро пошёл к себе в Комсомольский, боясь оглянуться и увидеть Аню, одиноко стоящую на дороге. Я почти бежал по дороге и ни разу не оглянулся. Домик Ларисы Мироновны стоял у самого края посёлка. Небольшая скамейка прижималась к тесовой оградке под сенью отцветающей сирени. Я сел на скамейку и заплакал. Прошу прощения, я употребил не то слово. Я зарыдал. До этого я никогда не плакал. А тут тело моё содрогалось совершенно непроизвольно, и я никак не мог овладеть им. Слезы текли на колени ручьями тёплой влаги. И как только, как мне казалось, я начинал контролировать их, новый приступ рыданий сотрясал тело, и ручьи слёз бежали по моему лицу. И если бы кто-то в этот момент находился рядом со мной и посоветовал мне повеситься, я бы повесился не раздумывая.

Мне жалко было всех. Больше всех мне жалко было Анечку. Сердце моё переставало биться, когда я представлял её, невинную, с серо-синими глазами и тяжёлой косой. Судороги пробегали по моему лицу, я плакал и не мог остановиться. Мне жалко было маму: «мы будем тебе помогать, сколько сможем, следи за собой и не води дружбу с кем попало». Мне жалко было себя: угораздило же меня родиться таким бестолковым, таким несообразительным, таким глупым человеком.

Я откинулся на скамейке на спину и закрыл глаза, а когда открыл, то увидел, что уже начинает светать, в воздухе появилась прохлада, тело моё мало-помалу успокоилось. Я открыл калитку и пошёл в дом.